

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

На правах рукописи

ЭСЕНБАЕВА Гулмира Амантуровна

ВОКАЛИЗМ КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА
В СОПОСТАВЛЕНИИ С ТЮРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ
ЮЖНОЙ СИБИРИ

Специальность 10.02.20
«Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Новосибирск – 2008

**Работа выполнена в Секторе языков народов Сибири
Института филологии Сибирского отделения РАН**

- Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор **И. Я. Селютина**
- Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **А. Т. Тыбыкова**
(Горно-Алтайский госуниверситет)
- кандидат филологических наук,
доцент **Г. В. Кыштымова**
(Хакасский госуниверситет
им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан)
- Ведущая организация: **ГОУ ВПО «Тывинский государственный университет»** (Кафедра тувинского языка), г. Кызыл

Защита состоится 4 декабря 2008 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 003.040.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» при Институте филологии СО РАН по адресу:

630090, г. Новосибирск, ул. акад. Николаева, д. 8;
тел. (383) 330-84-69; 330-53-46;
e-mail: lefi@philology.nsc.ru;
fax: (383) 330-15-18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории СО РАН (630090, г. Новосибирск, ул. акад. Николаева, д. 8).

Автореферат разослан 1 ноября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

А. А. Мальцева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Современный киргизский язык является государственным языком Республики Кыргызстан. Ещё в XIX в. И.Н. Березин относил его к южной или кыпчакской ветви тюркских языков [Berezin 1848], В.В. Радлов – к западной [Radloff 1882], Ф.Е. Корш позднее – к северной [1910], А.А. Самойлович – к северо-западной, *тау* или *кыпчакской* [1922; 1976: 611].

В генеалогической классификации Н.А. Баскакова киргизский язык вместе с алтайским составляют киргизско-кыпчакскую группу восточнотуркестанской ветви тюркских языков [Баскаков 1969: 142, 340]. А.М. Щербак относит киргизский язык вместе с южными диалектами алтайского и рядом других языков к кыпчакской группе [1994]. К. Щёниг в классификации тюркских языков, построенной по ареальному принципу с учетом фонетических и грамматических критериев, выделяет в группе кыпчакских тюркских языков киргизский язык в самостоятельную подгруппу, наряду с подгруппами западно-кыпчакских и центрально-кыпчакских языков [Schönig 1999: 95]. Авторы труда «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции» относят киргизский язык вместе с диалектами алтайского языка (северными и южными) к алтайско-киргизской подгруппе сибирской группы кыпчакских тюркских языков [2002: 4, 727, 733].

Современный киргизский язык сформировался в процессе многовекового взаимодействия различных языковых систем и пластов. Он является продуктом смешения общетюркских признаков со среднеазиатскими, в результате чего сложились его кыпчакские и киргизско-алтайские черты.

В бассейне Енисея киргизский язык взаимодействовал с языками динлинов, хуннов, китайцев, а также с угорскими, самодийскими, кетским; на Енисее, Тянь-Шане, Алтае – с тюркскими языками, в Северной Монголии – с монгольскими [Аристов 1894; Бернштам 1952; Дульзон 1952: 160; Батманов 1963; Джусупакматов 1983: 4–5; Худяков 1986; 2000].

В истории формирования языка современных киргизов принято выделять три этапа: 1) енисейский (I–VIII вв. н.э.) – период взаимодействия с хакасским и тувинским языками; 2) алтайский (VIII–XIII вв.) – период длительного проживания киргизов на территории Южного Алтая; 3) тянь-шаньский (с XIV–XVI вв. по наст. время) – период пересечения с языками Средней Азии [Юнусалиев 1954].

Вопрос о времени появления киргизов на территории современного местообитания и об исконном генетическом родстве между тьянь-шаньскими и енисейскими киргизами и их языками до сих пор остаётся предметом научной дискуссии и не утратил своей остроты.

Актуальность исследования, направленного не только на структурно-таксономическое описание киргизского вокализма, но и на сопоставление его с системами гласных тюркских языков южно-сибирского региона, выявление их общих и специфических особенностей, определяется сложностью этнической истории киргизов и, как следствие, многокомпонентностью их культуры.

Данные языка, в том числе материалы исторической и экспериментальной фонетики являются важнейшим источником для изучения происхождения языка и народа – носителя этого языка, их взаимодействия с другими языками и народами [Убрятова 1980: 21; Надеяев 1980]. Но при этом необходимо учитывать, что фонетические особенности не всегда являются надёжным свидетельством генетических отношений языков [Убрятова 1980: 18], фонетические процессы и явления нередко имеют территориальное закрепление, переживая и смену народов, и смену языков [Убрятова 1980: 22].

Этнос, сохраняющий территориальную компактность, сохраняет в основных существенных чертах и свою артикуляционно-акустическую базу (ААБ) в случаях последовательного перехода на другие языки в результате разнообразных исторических контактов с другими этносами, вплоть до полного слияния с ними. Эта особенность закрепления ААБ у носителей языка – в силу относительной автономности звуковой системы в системе языка – позволяет использовать её (в совокупности с данными исторических дисциплин) в качестве историко-лингвистического источника при реконструкции древнейших этногенетических процессов [Надеяев 1980; 1981; 1986; Селютина 2000; Широбокова 2005].

Сопоставительно-типологическое исследование систем гласных фонем киргизского и южносибирских тюркских языков, позволяющее выявить как интегрирующие признаки, сформировавшиеся в период проживания киргизов в верховьях Енисея и – позднее – на территории Южного Алтая, так и дифференцирующие особенности, обусловленные их последующей миграцией в регион современного проживания, будет способствовать решению проблем генезиса и исторического развития этих языков.

Систематическое экспериментально-фонетическое исследование

вокализма киргизского языка проводилось ранее Т.К. Ахматовым [1968; 1969; 1970]. Автор выявил состав фонем, определил артикуляторно-акустические характеристики их реализаций, предложил классификацию единиц системы. Благодаря трудам Т.К. Ахматова, а также других фонетистов-экспериментаторов [Исабеков 1971; Орусбаев 1976; Донбаева 1976; Сыдыков 1978; Сайдилканов, Чымбаева 1984], представления тюркологов о системно-структурной организации киргизского вокализма получили существенное развитие.

Тем не менее, в работах отмечаются некоторые противоречия, нуждающиеся в разрешении. Кроме того, появившиеся в конце XX в. цифровые и компьютерные технологии и разработанные на их базе новейшие исследовательские методики дают возможность получения более точных результатов, объективного их освещения и пересмотра сложившихся интерпретаций с учетом достижений современной лингвистики.

Проводившееся ранее изучение фонетики киргизского языка в сравнении с казахским [Исследования по киргизскому и казахскому языкознанию ... 1984], русским [Краснов 1982; Салахитдинова 1983] и германскими [Байтерекова 1970; 1984; Ибраев 1986] языками заложили основы нового направления в киргизоведении. Но сопоставительно-типологических разработок фонетики киргизского языка и тюркских языков южносибирского региона, позволяющих осветить результаты взаимодействия и взаимовлияния языков, не проводилось, что также определяет актуальность данного исследования.

Цель работы – дать научное описание системы гласных фонем современного киргизского языка с использованием современных высокоточных инструментальных методов, интерпретировать её с позиций фонетической типологии, путем сопоставительного анализа выявить общность и определить специфику киргизского вокализма на фоне тюркских языков южносибирского ареала, с которыми он активно взаимодействовал на протяжении ряда веков.

Для достижения намеченной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) выявить гласные звуки, реализующиеся в потоке киргизской речи, определить возможности их позиционно-комбинаторного распределения; 2) выявить состав, дистрибуцию и сочетаемость гласных фонем и их основные позиционно-комбинаторные оттенки; 3) используя методы экспериментальной фонетики, определить артикуляторные и акустические параметры речевых реализаций гласных фонем; 4) определить систему конститутивно-дифференци-

альных признаков (КДП), структурирующих вокальную систему киргизского языка; 5) описать фонологическую систему гласных единиц киргизского языка и определить её место в типологической классификации; 6) путем сопоставления результатов данного исследования с материалами, опубликованными в тюркологической литературе по тюркским языкам Южной Сибири, выявить общее и специфическое в составе фонем и системно-структурной организации вокализма киргизского языка и родственных тюркских языков сибирского региона – алтайского, хакасского и тувинского, их диалектов и говоров.

Методика исследования. При выполнении работы использовалась комплексная методика, включающая как собственно лингвистические, так и аппаратные методы исследования. На доинструментальном этапе работы применялись методы непосредственных субъективных аудио-визуальных наблюдений автора и показаний информантов, методы дистрибутивного анализа с использованием критериев дополнительной и контрастирующей дистрибуции и свободного варьирования, метод минимальных пар (квазиомонимический анализ), метод остаточной выделяемости. Экспериментально-фонетический этап работы осуществлялся с применением соматических методов статического рентгенографирования, дентопалатографирования, фотографирования губных артикуляций, а также акустических компьютерных программ создания и обработки звуковых файлов (CoolPro, Power Mp3 Editor, SpeechAnalyzer).

Объект исследования – речь носителей современного киргизского литературного языка.

Предмет исследования – система гласных фонем киргизского языка в сопоставлении с аналогичными системами родственных тюркских языков и диалектов Южной Сибири.

Материалом исследования послужили киргизские словоформы, зафиксированные в Киргизско-русском словаре, составленном профессором К.К. Юдахиным [1940; 1965; 1985], и записанные на цифровые носители в произношении четырёх дикторов-киргизов (дикторы 1–4; далее – дд. 1–4), хорошо владеющих родным языком. Полученные аудиозаписи введены в компьютерную базу данных по звуковым системам языков народов Сибири и сопредельных регионов, создаваемую Лабораторией экспериментально-фонетических исследований Института филологии СО РАН (ЛЭФИ ИФЛ СО РАН).

Программа цифровой обработки акустических параметров реализаций киргизских гласных фонем включает 550 словоформ, создано 1898 звуковых файлов, проанализировано, обработано табулярно-статистически и описано в диссертации 1200. Для изучения артикуляторных параметров реализаций гласных фонем киргизского языка снято 33 статические рентгенограммы по трём дикторам (дд. 1–3), 19 дентопалатограмм от д. 3, 22 лабиограммы от дд. 2–3.

Для адекватной передачи звучащей речи использовалась транскрипционная система, разработанная В.М. Надеяевым [Надеяев 1960; 1980: 3–91] на базе Международного фонетического алфавита [Ладефогед 1999: 28–31] с учётом уточнений Л.В. Щербы [См.: Зиндер 1979: 150, 199].

При проведении сопоставительно-типологического анализа использовались результаты, опубликованные в трудах отечественных тюркологов-сибиреведов по алтайскому литературному языку [Чумакаева 1981; 1984; 1988; 1996], диалектам алтайского языка – алтай-кижи [Шалданова 2003; 2007], теленгитскому [Машталир 1983; 1984], телеутскому [Гаврилин 1984; 1985], чалканскому [Кокорин 1979; 1982; 1984], кумандинскому [Селютина 1998], тубинскому [Сарбашева 2002; 2004], диалектам хакасского языка – сагайскому и качинскому [Кыштымова 1990; 2001], шорскому [Уртегешев 2007] и тувинскому [Бичелдей 1989; 2001; Дамбыра 2003; 2005] языкам.

Научная новизна. Впервые вокальная система киргизского языка описана с использованием компьютерных технологий и современных объективных инструментальных методов, позволивших внести значительные уточнения в сложившиеся в тюркологии представления о системе киргизских гласных фонем. Выявлен инвентарь единиц фонологической системы и их дистрибутивно-комбинаторные характеристики, установлены качественные и количественные параметры реализаций гласных фонем, определен структурный тип вокализма, выявлены доминантные характеристики артикуляционно-акустической базы киргизов, установлены сходство и специфика структурно-таксономической организации киргизского вокализма на фоне тюркских языков Южной Сибири.

Показана общность активно реализующихся в южносибирских тюркских языках и – в меньшей степени – в киргизском процесс нивелировки артикуляторно-акустических параметров гласных, тенденций к минимизации противопоставлений в речи, не приводящих, тем не менее, к конвергенции, к утрате фонологических оппо-

зий, упрощению систем гласных. Причиной сближения вокальных единиц по своим качественнo-квантитативным характеристикам, равно как и препятствием для их схождения, является избыточность максимальных противопоставлений в условиях действия в пределах тюркской словоформы законов сингармонизма.

Разработана и применена экспериментально-фонетическая методика расшифровки, система метрической обработки и интерпретации данных лабиографиования, позволяющая использовать лабиометрические показатели в качестве одного из маркеров при типологическом классифицировании вокалических систем.

Положения, выносимые на защиту:

1. Инвентарь гласных фонем киргизского языка включает 14 единиц – 8 кратких: **а** [ɑ̣.ɯ], **ы** [ɣ̣.ɯ], **е** [ẹ./ɣ̣.ɯ], **и** [ị.π̣./ɣ̣.ɯ.π̣.], **о** [ọ.π̣./ọ.π̣.], **у** [ỵ.ɯ.π̣./ỵ.ɯ.π̣.], **ө** [œ̣./ɔ̣.ɯ], **ү** [ø̣./ọ̈.ɯ] и 6 долгих: **аа** [ɑ̣.ɯ.:], **ее** [ẹ./ɣ̣.ɯ.:], **оо** [ọ.π̣.:/ọ.π̣.:], **уу** [ỵ.ɯ.π̣.:/ỵ.ɯ.π̣.:], **өө** [œ̣.:/ɔ̣.ɯ.:], **үү** [ø̣.:/ọ̈.ɯ.:].

2. В отличие от южносибирских тюркских языков, для киргизского вокализма свойственна более чёткая дифференциация гласных двух функциональных сингармонических рядов по *артикуляторной рядности*: все мягкорядные фонемы квалифицируются как комбинированные передне- / центральнозаднерядные (**е** [ẹ./ɣ̣.ɯ], **и** [ị.π̣./ɣ̣.ɯ.π̣.], **ө** [œ̣./ɔ̣.ɯ], **ү** [ø̣./ọ̈.ɯ], **еө** [ẹ./ɣ̣.ɯ.:], **өө** [œ̣.:/ɔ̣.ɯ.:], **үү** [ø̣.:/ọ̈.ɯ.]), твёрдорядные – как центральнозаднерядные (неогубленные фонемы: **а** [ɑ̣.ɯ], **ы** [ɣ̣.ɯ], **аа** [ɑ̣.ɯ.]) или комбинированные центральнозадне- / заднерядные (огубленные **о** [ọ.π̣./ọ.π̣.], **у** [ỵ.ɯ.π̣./ỵ.ɯ.π̣.], **оо** [ọ.π̣.:/ọ.π̣.:], **уу** [ỵ.ɯ.π̣.:/ỵ.ɯ.π̣.:]).

3. Несмотря на то, что фонологическая система гласных киргизского языка более рациональна по сравнению с южносибирской тюркской, для киргизского вокализма также свойственна тенденция к деполяризации характеристик гласных по параметрам ряда, к сдвинутости настроек к центру ртовой резонаторной полости в зону реализации центральнозадних артикуляций, хотя и менее выраженная по сравнению с сопоставляемыми языками. Системообразующими в киргизском вокализме являются комбинированные ряды – передне- / центральнозадний и центральнозадне- / задний, а также центральнозадний слабовывдвинутый. Переднерядные и заднерядные настройки находятся на периферии системы.

4. По степени *раствора рта* киргизские гласные можно разделить на полуширокие 5-й ступени – фонемы **а** [ɑ̣.ɯ] и **аа** [ɑ̣.ɯ.:], среднего подъёма 3-й–4-й ступеней – фонемы **е** [ẹ./ɣ̣.ɯ], **еө** [ẹ./ɣ̣.ɯ.:],

о [ó_{тп}/о_{тп}], oo [ó_{тп}:/о_{тп}:], е [œ/ó_з], ee [œ:/ó_з:], ү [ø/ó_з], үү [ø:/ó_з:], и полузкие 2-й ступени – фонемы ы [ĩ_з], и [i_{тп}/ĩ_зтп:], у [ú_{тп}:/ú_{тп}:], уу [ú_{тп}:/ú_{тп}:]. Широкие (6-й ступени) и узкие (1-й ступени) реализации фонем малочастотны.

5. *Лабиялизация* гласных в киргизском языке реализуется как плоскощелевая различной степени выраженности (слабой, умеренной, сильной и сверхсильной), выдвижение губ вперёд не является облигаторным.

6. Противопоставление гласных фонем по *длительности* (краткие / долгие) является в киргизском языке лингвистически значимым. Кроме стяженной (вторичной) долготы констатируется долгота позиционная – широкие гласные удлиняются в открытом слоге перед слогом с узким гласным. Гипотетическая пратюркская долгота как система не сохранилась.

7. По общности принципов организации фонологических систем гласных – оппозиция единиц по параметрам ряда, подъёма, огубления и длительности – киргизский язык примыкает к группе южносибирских тюркских языков (алтайский, хакасский и их диалекты – кроме диалекта туба-кижи), в которых фарингализация реализуется на уровне аллофонов или индивидуального произношения, в отличие от языков тобаской группы (тувинский, тофский, туба-кижи), где дополнительная работа глотки является системообразующим признаком (основным или сопутствующим).

8. По доминантным признакам артикуляционно-акустической базы киргизский язык обнаруживает сходство с различными тюркскими языками южносибирского региона. По особенностям реализации твёрдорядных гласных он сближается с диалектами алтайского языка, киргизские мягкорядные настройки близки сагайскому диалекту хакасского языка, по параметрам открытости / закрытости в киргизском языке проявляются те же закономерности, что и в тувинском каа-хемском говоре, где дифференциация гласных по степени подъёма – наименее выраженная по сравнению с остальными рассматриваемыми языками.

Специфика киргизского вокализма заключается в большей его рациональности, функциональности, в относительно меньшей вариативности реализаций единиц системы, в отсутствии не обусловленной исторически или фонетическим контекстом назализации, частотной в языках южносибирского региона, в последовательной плоскощелевой лабализации в подклассе огубленных фонем.

Фонетические процессы, свойственные киргизскому языку и южносибирским тюркским, нельзя трактовать как результат контактирования с каким-то одним из языков сибирского ареала – общность фонетического ландшафта, по-видимому, обусловлена в исторической ретроспективе причинами регионального характера.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретические положения и выводы диссертационной работы могут быть использованы – и уже используются – в сравнительно-сопоставительных и типологических исследованиях фонетики тюркских языков, в диалектологических и лингвогеографических разработках, при написании фонетических разделов в учебниках и учебных пособиях по киргизскому, русскому и иностранному языкам для школ и специальных учебных заведений, при разработке лекционных курсов по тюркской фонетике для лингвистических отделений гуманитарных факультетов вузов. Уточнения и добавления, внесенные в аппаратную методику обработки и интерпретации данных лабиографирования, применимы при исследовании звуковых систем языков различных семей и могут быть использованы для получения важнейших данных при построении фонетической типологии.

Структура работы. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и приложения.

Апробация работы. Основные положения исследования изложены в двенадцати докладах на конференциях и семинарах различного уровня и в одиннадцати публикациях.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, намечаются цели и задачи, определяются объект, материал и методика исследования, излагаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «История вопроса. Состав гласных фонем» состоит из четырёх параграфов. В первом из них приводятся общие сведения об этапах формирования киргизского языка, дается краткое изложение истории изучения киргизского вокализма, освещаются актуальные задачи изучения гласных в тюркских языках и очерчивается круг проблем исследования киргизского вокализма, требующих своего решения. Второй параграф посвящен выявлению вокальных единиц, функционирующих в современном киргизском языке. В третьем освещаются некоторые закономерности гармонии гласных. В четвертом параграфе излагаются результаты сопоставительно-

типологического анализа инвентарей гласных фонем и гармонии гласных в киргизском языке и в тюркских языках Южной Сибири.

Использование комплексной методики дистрибутивного, квазиономимического и морфологического анализа позволило выявить в современном киргизском языке четырнадцать гласных фонем: восемь кратких – **а** [ɑ̣.ш], **ы** [ɨ̣.ш], **е** [ẹ.ʏ̣.ш], **и** [ị.π̣.ʏ̣.ш/ɨ̣.ш.π̣.ш], **о** [ọ.ш/ɔ̣.ш], **у** [ụ.ш.π̣.ш/ɔ̣.ш.π̣.ш], **ө** [œ̣/ɔ̣.ш], **ү** [ø̣/ɔ̣.ш] и шесть долгих – **аа** [ɑ̣.ш.ш:], **е** [ẹ.ш.ʏ̣.ш:], **оо** [ọ.ш.ш:/ɔ̣.ш.ш:], **уу** [ụ.ш.ш.π̣.ш:/ɔ̣.ш.ш.π̣.ш:], **өө** [œ̣.ш.ш:/ɔ̣.ш.ш:], **үү** [ø̣.ш.ш.π̣.ш:/ɔ̣.ш.ш.π̣.ш:]; краткие неогубленные узкие фонемы **ы** [ɨ̣.ш] и **и** [ị.π̣.ш/ɨ̣.ш.π̣.ш] не имеют долгих коррелятов.

Сопоставительный анализ инвентарей гласных фонем киргизского и южносибирских тюркских языков свидетельствует об их значительном сходстве. Все рассматриваемые системы характеризуются тенденцией к идеальной тюркской симметричной модели вокализма, включающей 8 кратких и 8 долгих единиц. Тем не менее, полностью заполнены все клетки системы только в алтайском литературном языке [Чумакаева 1976], в тувинском [Дамбыра 2005], а также в одном из северных диалектов алтайского – тубинском [Сарбашева 2004]. В остальных диалектах алтайского языка, а также в хакасском отмечается неполнота подсистем долгого узкого неогубленного вокализма; в этом проявляется сходство с киргизским языком, в котором нет долгих фонем **ыы**, **ии**.

Гармония гласных как основная составляющая сингармонизма является характерной чертой алтайской языковой общности.

Как показывает материал, в киргизском, как и в других тюркских языках, различается нёбная (палатальная) и губная (лабиальная) гармония гласных.

Однако, если палатальная гармония соблюдается в киргизском языке последовательно, то губная гармония «нарушается» в том случае, если после слога с узким огубленным гласным **у** следует аффикс с широкой огласовкой – гласный этого аффикса не лабиализуется, например: **куш** ‘птица’ – **куштар** ‘птицы (мн. ч.)’, но: **кушу** ‘птица=его’.

Сингармоническая система киргизского языка может быть представлена пятью сингармоническими моделями. Из них две модели – однозначные:

1) только после огубленного широкого гласного **о** начального слога в неначальном слоге могут употребляться широкий огубленный **о** или узкий огубленный **у**: **чоролор** ‘палачи’ – **чоросу** ‘палач=его’;

2) только после огубленного узкого гласного **у** начального слога в нена начальном слоге могут употребляться широкий неогубленный **а** или узкий огубленный **у**: **кур** ‘пояс’ – **курлар** ‘пояса’ – **куру** ‘пояс=его’.

Кроме того, в языке выделяются три двузначные модели:

1) как после **а**, так и после **ы** начального слога в нена начальном слоге употребляются гласные **а** или **ы**: **ата** ‘отец’ – **аталар** ‘отцы’ – **атасы** ‘отец=его’; **кыш** ‘зима’ – **кыштар** ‘зймы’ – **кышы** ‘зима=его’;

2) как после **э**, так и после **и** в нена начальном слоге употребляются гласные **э** или **и**: **жер** ‘земля’ – **жерлер** ‘зёмли’ – **жерлерицер** ‘земли=ваши’; **ит** ‘собака’ – **иттер** ‘собаки (мн. ч.)’ – **ити** ‘собака=его’;

3) как после **ө**, так и после **ү** в нена начальном слоге употребляются гласные **ө** или **ү**: **көл** ‘озеро’ – **көлдөр** ‘озёра’ – **көлү** ‘озеро=его’; **күн** ‘день’ – **күндөр** ‘дни’ – **күндөрүнөр** ‘дни=ваши’.

Следовательно, киргизскому вокализму свойственно довольно последовательное проведение губной гармонии гласных – не лабиализуются лишь аффиксы с широкой огласовкой, следующие за слогом с узким огубленным **у**, то есть, из восьми сингармонических цепочек в бисиллабах семь подчиняются законам лабиальной гармонии.

Таким образом, сингармоническая система киргизского языка определяется как *полная*, реализующая не только нёбную, но и губную гармонию гласных [Черкасский 1965].

Сопоставление киргизской сингармонической системы с данными по тюркским языкам Южной Сибири – алтайскому, хакасскому, шорскому и тувинскому – свидетельствует о более последовательном соблюдении губной гармонии гласных в киргизском языке по сравнению с южносибирскими тюркскими, для которых характерна тенденция к разрушению губной гармонии гласных, к переходу сингармонических систем *от полных*, включающих подсистемы и нёбной, и губной гармонии, *к стяженным*, в которых признак огубленности гласных сингармонически нерелевантен, такая тенденция отмечается, в частности, в хакасском литературном языке (в отличие от его диалектов).

Последовательный сингармонизм, свойственный киргизскому языку, в частности, сохранение лабиальной гармонии в основе и в аффиксах, отмечается и в якутском языке, что может свидетельствовать о близких исторических связях носителей этих языков.

Вторая глава «Артикуляторные характеристики гласных» состоит из двух параграфов. Первый посвящен описанию вокальных настроек киргизского языка по результатам исследования с использованием комплекса соматических инструментальных методов, во втором параграфе проводится сопоставительный анализ артикуляторных характеристик киргизских и южносибирских тюркских гласных.

Вокальная система киргизского языка структурируется артикуляторными параметрами ряда, подъёма и огубления.

Единицы системы реализуются в настройках *трёх артикуляторных рядов*, отнесённость к которым является *фонематически значимой*. Твёрдорядные гласные манифестируются как центральнозаднерядные – фонемы **а** [ɑ̇_ц], **аа** [ɑ̇_ц:], **ы** [ɨ_ц], или как комбинированные центральнозаднерядно- / заднерядные – **о** [ɔ̇_п/ɔ_п], **оо** [ɔ̇_п:/ɔ_п:], **у** [ɔ̇_п:/ɔ_п:], **уу** [ɔ̇_п:/ɔ_п:]. При этом твёрдорядные огубленные гласные являются звуками более задней артикуляции, чем их неогубленные корреляты. Мягкорядные гласные реализуются как комбинированные переднерядно- / центральнозаднерядные – фонемы **е** [e_ц/ɨ_ц], **ее** [e_ц:/ɨ_ц:], **и** [ɨ_п:/ɨ_п:], **ө** [œ/ɔ_ц], **өө** [œ:/ɔ_ц:], **ү** [ø/ɔ_ц], **үү** [ø:/ɔ_ц:].

По *степеням подъёма* гласные фонемы киргизского языка распределяются следующим образом:

5-я ступень – фонемы **а** [ɑ̇_ц], **аа** [ɑ̇_ц:]; 4-я ступень – фонемы **ө** [œ/ɔ_ц], **өө** [œ:/ɔ_ц:]; 3-я ступень – фонемы **е** [e_ц/ɨ_ц], **ее** [e_ц:/ɨ_ц:], **о** [ɔ̇_п/ɔ_п], **оо** [ɔ̇_п:/ɔ_п:], **ү** [ø/ɔ_ц], **үү** [ø:/ɔ_ц:]; 2-я ступень – фонемы **ы** [ɨ_ц], **и** [ɨ_п:/ɨ_п:], **у** [ɔ̇_п:/ɔ_п:], **уу** [ɔ̇_п:/ɔ_п:]. 6-я и 1-я ступени реализуются на фоническом уровне – в позиционно-комбинаторных аллофонах фонем.

Таким образом, все фонемы можно разделить на *полуширокие* – 5-й ступени (фонема **аа**), *среднего подъёма* – 4-й–3-й ступеней (фонемы **ээ**, **оо**, **өө**, **үү**), *полуузкие* – 2 ступени (фонемы **ы**, **и**, **уу**).

Гласные фонемы киргизского языка делятся на *нелабиализованные* – **а**, **аа**, **ы**, **э**, **ээ**, **и** и *лабиализованные* – **о**, **оо**, **у**, **уу**, **ө**, **өө**, **ү**, **үү**. Огубление в киргизском языке реализуется только как *плоскощелевое* различной степени выраженности – слабой (**ө**, **өө**), умеренной (**о**, **оо**), сильной (**у**, **уу**) и сверхсильной (**ү**, **үү**); *выдвижение* губ вперёд при огублении не является обязательным.

Сопоставление результатов инструментальных исследований систем гласных фонем киргизского языка и тюркских языков южносибирского региона показало, что при общих принципах построения

они существенно различаются артикуляторно-акустическими характеристиками их реализаций.

По показателям артикуляторной рядности аллофоны центрально-заднерядной киргизской фонемы **aa** близки к соответствующим звукам бачатско-телеутского, кумандинского, чалканского, тубинского, сагайского диалектов и каа-хемского говора тувинского языка, отличаясь от алтай-кижи, где гласный *aa* – центральнорядный или заднерядный, а также от качинско-хакасского, где звук *aa* – комбинированный центральнозаднерядно- / заднерядный. По степени подъёма киргизский гласный *aa* также ближе всего к диалектам Алтая.

Настройки киргизского центральнозаднерядного гласного **ы** совпадают со всеми сопоставляемыми языками, кроме чалканского – комбинированного переднерядного / центральнозаднерядного.

Реализации комбинированной центральнозаднерядной / заднерядной киргизской фонемы **oo** обнаруживают существенное сходство с диалектом туба-кижи, значительно отличаясь при этом от алтайского литературного центральнорядного и качинского заднерядного **oo**. По параметрам подъёма киргизский **oo** примыкает к языкам с наименьшей степенью открытости – туба, сагайский, каа-хемский (3-я ступень), максимально отличаясь от качинского и кумандинского (6-я ступень).

Киргизский комбинированный центральнозаднерядный / заднерядный гласный **уу** по параметрам артикуляторной рядности наибольшее сходство обнаруживает с каа-хемским говором тувинского языка. Значительные различия констатируются с кумандинским и алтайским литературным, где этот звук – центральнорядный, а также с хакасско-качинским, в котором зафиксирована заднерядная настройка **уу**. Вторая ступень отстояния киргизских настроек сближает их с алтайским литературным языком, бачатско-телеутским, теленгитским, чалканским и тубинским диалектами алтайского, а также с сагайским диалектом хакасского.

Комбинированный переднерядный / центральнозаднерядный киргизский гласный **ээ** наиболее близок к сагайскому, отличаясь от более передних настроек в литературном алтайском, бачатско-телеутском, теленгитском, кумандинском, чалканском, и более задних – в онгудайском говоре диалекта алтай-кижи, тубинском, тувинском, качинско-хакасском диалектах.

Киргизский комбинированный переднерядный / центральнозаднерядный **и** тождественен тубинскому и качинско-хакасскому, отли-

чаясь от наиболее передних настроек в онгудайском говоре алтай-кижи, бачатско-телеутском, теленгитском, кумандинском, чалканском диалектах алтайского, сагайском диалекте хакасского, и от самых задних – центральнозаднерядных сверхсильновыдвинутых настроек в каа-хемском говоре тувинского языка. Вторая ступень отстояния настроек и сближает киргизский язык с большинством сопоставляемых тюркских языков южносибирского региона, кроме чалканского диалекта алтайского языка и сагайского диалекта хакасского, где и – гласный первой ступени подъема.

Киргизский комбинированный переднерядный / центральнозаднерядный звук **ө** близок сагайско-хакасскому, отличаясь при этом от переднерядных соответствий в алтайском литературном языке, в бачатско-телеутском, теленгитском, кумандинском и чалканском диалектах алтайского, сагайском диалекте хакасского, от центральнозаднерядных настроек в онгудайском говоре алтайского, тувинском диалекте алтайского, качинском диалекте хакасского и каа-хемском говоре тувинского. По степени подъема киргизский **ө** четвертой ступени совпадает с алтайским литературным, онгудайским говором алтайского, бачатско-телеутским, теленгитским и чалканским диалектами алтайского, а также с качинским диалектом хакасского и каа-хемским говором тувинского.

Киргизский комбинированный переднерядный / центральнозаднерядный звук **ү** также отличается от сопоставляемых южносибирских соответствий – переднерядных или центральнозаднерядных. По степени подъема киргизский **ү** третьей ступени отстояния примыкает к группе языков с самыми широкими настройками этого гласного – к кумандинскому диалекту алтайского и каа-хемскому говору тувинского.

Таким образом, киргизский вокализм, вписываясь по субстантным характеристикам в ареал функционирования южносибирских тюркских языков, обнаруживает свою специфику артикуляционно-акустической базы.

Третья глава «Количественные характеристики гласных» также состоит из двух параграфов – описательного и сопоставительного.

В киргизском языке, как и в большинстве тюркских языков, квантитативные различия гласных используются – наряду с артикуляторными параметрами ряда, подъема и огубления – в качестве основного фонематического признака: фонемы противопоставляются как

краткие и долгие. Различаются три вида долготы гласных: вторичная, или стяженная; первичная, или этимологическая; и позиционная.

Правомерность аудитивных наблюдений о релевантности длительности в системе киргизского вокализма проверялась на объективном материале, полученном с помощью компьютерных программ создания и обработки звуковых файлов CoolPro, Power Mp3 Editor и SpeechAnalyzer.

Результаты анализа абсолютных и относительных показателей длительности киргизских гласных свидетельствуют о противопоставленности вокальных единиц по квантитету: *вторичные* долгие гласные, развившиеся в результате выпадения интервокальных согласных с последующим стяжением гласных в один долгий звук, длительнее кратких коррелятов в среднем в 1,8 раза.

В сопоставляемых южносибирских тюркских языках гласные также четко дифференцируются по квантитативным параметрам: стяженные долгие длительнее кратких в среднем в 1,5–2,0 раза. Киргизский вокализм по долготным характеристикам ($\bar{V}:V=1,8$) наиболее близок к диалекту алтай-кижи.

Проблема функционирования в тюркских языках *первичной* долготы гласных не имеет однозначного решения. Ряд лингвистов (В.В. Радлов, В. Грэнбек, А. Бишев) отвергают её существование, другие же (М. Ряснен, К. Фой, Ю. Немет) считают, что этимологическая долгота должна рассматриваться как пратюркское явление.

А.М. Щербак, придерживающийся второй точки зрения, восстанавливает пратюркские долгие гласные в 78 словах [Щербак 1970: 50–52]. 64 слова из этого списка зафиксированы нами в современном киргизском языке. Результаты анализа количественных характеристик вокальных компонентов этих слов показали, что в двадцати одном слове выборки гласные реализуются как долгие у всех трёх дикторов – это даёт основание для предположения о функционировании в киргизском языке реликтов *первичной* долготы гласных.

Но двадцать одно из общетюркских слов произнесено всеми дикторами с кратким гласным, а двадцать два слова реализованы дикторами по-разному – одними с кратким вокальным компонентом, другими – с долгим. Более того, во многих случаях краткое или долгое произношение гласных в рассматриваемых словах одним и тем же диктором – факультативно. Во всех этих случаях утрата этимологи-

ческой долготы требует своих объяснений с позиций сравнительно-исторической фонетики.

Итоги аналогичных исследований южносибирских тюркских диалектов свидетельствуют о том, что в некоторых из них гипотетическая система первичных долгих гласных сохранилась лишь фрагментарно. В диалекте алтай-кижи квантитативные параметры проявляются с различной степенью интенсивности у разных дикторов, а зачастую – факультативно, что может свидетельствовать о распаде системы этимологической долготы [Шалданова 2003]. В тубадиалекте на выборке объемом в двадцать одну словоформу с предполагаемой первичной долготой гласных в двенадцати словах зафиксированы вокальные единицы, квалифицируемые по инструментальным данным как долгие; соотношение $\bar{V}:V=2,1$ [Сарбашева 2004].

Таким образом, если признать существование пратюркской первичной долготы гласных, то итоги сопоставительного анализа свидетельствуют об общности фонетических процессов в киргизском языке и в диалектах алтайского: этимологическая долгота как целостная система находится в состоянии распада.

Наряду с вторичной и этимологической долготой, в ряде тюркских языков Южной Сибири отмечается функционирование позиционной долготы гласных – удлинение широких гласных открытых слогов в би- и полисиллабах перед слогом с более узким гласным, имеющее, как правило, фонологический характер [Боргояков 1966; Селютина 1998; Кыштымова 2001; Шалданова 2003; Сарбашева 2004; Дамбыра 2005].

Как показал эксперимент, киргизские широкие гласные первых открытых слогов в бисиллабах облигаторно превосходят по длительности узкие вторых слогов по разным дикторам в среднем в 1,4–1,9 раза. Следовательно, в киргизском языке, как и в типологически сходных тюркских языках Южной Сибири, констатируется долгота, обусловленная позиционно.

В Заключение подведены итоги исследования.

По результатам аудитивного и инструментального анализа гласным фонемам современного киргизского языка даны следующие определения:

Фонема а [$\dot{\alpha}_{\text{ц}}$ « $\dot{\alpha}^{\circ}_{\text{ц}}$ », « $\tilde{\lambda}_{\text{д}}$ », « $\tilde{\chi}_{\text{дт}}$ »] – краткая центральнозаднерядная слабовывдвинутая полуширокая пятой умереннопризакрытой ступени отстояния неогубленная неназализованная. В потоке речи

реализуется также в центральнозаднерядных сильновыдвинутых оттенках четвертой основной или третьей умеренноприоткрытой ступени отстояния, факультативно или позиционно-комбинаторно обусловленно – слабоплоскоогубленных, фарингализованных, назализованных.

Фонема аа [$\check{\alpha}_{-щ}$: « $\check{\alpha}^{\circ}_{-щ}$:», « $\check{\lambda}_{-щ}$:», « $\check{\chi}_{-щ}$:»] – долгая центральнозаднерядная слабовыдвинутая полуширокая пятой умеренноприоткрытой ступени отстояния неогубленная неназализованная. В потоке речи реализуется также в центральнозаднерядных сильновыдвинутых оттенках четвертой основной или третьей умеренноприоткрытой ступени отстояния, факультативно или позиционно-комбинаторно обусловленно – слабоплоскоогубленных, фарингализованных, назализованных.

Фонема е [$e_{\text{р}}/\check{\chi}_{-4}$ « $\check{e}^{\circ}_{\text{р}}/\check{\chi}^{\circ}_{-4}$ », « $\check{e}^{\circ}_{\text{р}}/\check{\chi}^{\circ}_{-3}$ », « $\check{\chi}_{-4}$ », « $\check{\chi}_{-4}$ », « $\check{\lambda}_{-4}$ », «e», «e_р»] – краткая комбинированная переднерядная сильноотодвинутая / центральнозаднерядная сильновыдвинутая третьей основной ступени отстояния, неогубленная, неназализованная. В потоке речи реализуется также в комбинированных переднерядных слабоотодвинутых / центральнозаднерядных сильно- или сверхсильновыдвинутых, переднерядных основных или слабоотодвинутых, центральнозаднерядных сильновыдвинутых оттенках третьей слабоприоткрытой или четвертой основной ступени отстояния, факультативно или позиционно-комбинаторно обусловленно – слабоплоскоогубленных, фарингализованных, назализованных.

Фонема ее [$e_{\text{р}}/\check{\chi}_{-4}$: « $\check{e}^{\circ}_{\text{р}}/\check{\chi}^{\circ}_{-4}$:», « $\check{e}^{\circ}_{\text{р}}/\check{\chi}^{\circ}_{-3}$:», « $\check{\chi}_{-4}$:», « $\check{\chi}_{-4}$:», « $\check{\lambda}_{-4}$:», «e:», «e.:»] – долгая комбинированная переднерядная сильноотодвинутая / центральнозаднерядная сильновыдвинутая третьей основной ступени отстояния, неогубленная, неназализованная. В потоке речи реализуется также в комбинированных переднерядных слабоотодвинутых / центральнозаднерядных сильно- или сверхсильновыдвинутых, переднерядных основных или слабоотодвинутых, центральнозаднерядных сильновыдвинутых оттенках третьей слабоприоткрытой или четвертой основной ступени отстояния, факультативно или позиционно-комбинаторно обусловленно – слабоплоскоогубленных, фарингализованных, назализованных.

Фонема ы [\check{y} , « $\check{\lambda}_{-4}$ »] – краткая центральнозаднерядная слабовыдвинутая второй основной ступени отстояния неогубленная неназализованная. В потоке речи реализуется также в центральнозаднерядных сильновыдвинутых оттенках четвертой основной ступени от-

стояния, факультативно или позиционно-комбинаторно обусловлено – слабopлоскоогубленных.

Фонема и [**i_п**/**i_{зп}**: «i_з», «i_з», «i_{зп}», «i_п», «i_п»] – краткая комбинированная переднерядная основная / центральнозаднерядная сильновыдвинутая второй сильноприоткрытой ступени отстояния неогубленная неназализованная. В потоке речи реализуется также в комбинированных переднерядных основных / центральнозаднерядных сильновыдвинутых, центральнозаднерядных сильно- или сверхсильновыдвинутых, переднерядных слабоотодвинутых оттенках второй основной или первой слабоприоткрытой ступени отстояния, факультативно или позиционно-комбинаторно обусловлено – напряжённых и увуларизованных.

Фонема о [**o_п**/**o_{зп}**: «o_з/o_з»] – краткая комбинированная центральнозаднерядная слабовыдвинутая / заднерядная слабовыдвинутая третьей умеренноприоткрытой ступени отстояния умереннопоскоогубленная неназализованная. В потоке речи реализуется также в оттенках четвертой умеренноприоткрытой ступени отстояния, факультативно или позиционно-комбинаторно обусловлено – напряжённых и увуларизованных.

Фонема oo [**oo_п**/**oo_{зп}**: «o_з:/o_з:»] – долгая комбинированная центральнозаднерядная слабовыдвинутая / заднерядная слабовыдвинутая третьей умеренноприоткрытой ступени отстояния умереннопоскоогубленная неназализованная. В потоке речи реализуется также в оттенках четвертой умеренноприоткрытой ступени отстояния, факультативно или позиционно-комбинаторно обусловлено – напряжённых и увуларизованных.

Фонема ө [**ө_з**: «ө_з», «ö_з», «ö_з»] – краткая комбинированная переднерядная основная / центральнозаднерядная сильновыдвинутая четвёртой основной ступени отстояния слабopлоскоогубленная неназализованная. В потоке речи реализуется также в переднерядных слабоотодвинутых, имеющих тенденцию к смешанной рядности, в центральнозаднерядных сильновыдвинутых, смешаннорядных выдвинутых оттенках четвёртой сильноприоткрытой (при смешаннорядной настройке – шестой умеренноприоткрытой) ступени отстояния, факультативно или позиционно-комбинаторно обусловлено – напряжённых и увуларизованных.

Фонема өө [**өө_з**: «ө_з:», «ö_з:», «ö_з:»] – долгая комбинированная переднерядная основная / центральнозаднерядная сильновыдвинутая четвёртой основной ступени отстояния слабopлоскоогублен-

ная неназализованная. В потоке речи реализуется также в переднерядных слабоотодвинутых, имеющих тенденцию к смешанной рядности, в центральнозаднерядных сильновыдвинутых, смешаннорядных выдвинутых оттенках четвертой сильнопризакрытой (при смешаннорядной настройке – шестой умереннопризакрытой) ступени отстояния, факультативно или позиционно-комбинаторно обусловлено – напряжённых и увуларизованных.

Фонема у [$\dot{y}_{\text{пр.}}/\dot{y}_{\text{пр.}}$ « $\dot{o}_{\text{дл.}}/o_{\text{дл.}}$ »] – краткая комбинированная центральнозаднерядная слабовыдвинутая / заднерядная слабовыдвинутая второй сильноприоткрытой ступени отстояния сильноплоскоогубленная неназализованная. В потоке речи реализуется также в оттенках комбинированных центральнозаднерядных сильновыдвинутых / заднерядных сильновыдвинутых третьей сильнопризакрытой ступени отстояния, факультативно или позиционно-комбинаторно обусловлено – напряжённых.

Фонема уу [$\dot{y}_{\text{пр.}}:/\dot{y}_{\text{пр.}}:$ « $\dot{o}_{\text{дл.}}:/o_{\text{дл.}}:$ »] – долгая комбинированная центральнозаднерядная слабовыдвинутая / заднерядная слабовыдвинутая второй сильноприоткрытой ступени отстояния сильноплоскоогубленная неназализованная. В потоке речи реализуется также в оттенках комбинированных центральнозаднерядных сильновыдвинутых / заднерядных сильновыдвинутых третьей сильнопризакрытой ступени отстояния, факультативно или позиционно-комбинаторно обусловлено – напряжённых.

Фонема ү [$\emptyset/\dot{o}_{\text{дл.}}$ « $\dot{o}_{\text{дл.}}$ », « $\dot{o}_{\text{дл.}}$ », « $\dot{y}_{\text{пр.}}/\dot{y}_{\text{пр.}}$ »] – краткая комбинированная переднерядная основная / центральнозаднерядная сильновыдвинутая третьей основной ступени отстояния сверхсильноплоскоогубленная неназализованная. В потоке речи реализуется также в комбинированных переднерядных слабоотодвинутых / центральнозаднерядных сильновыдвинутых, центральнозаднерядных сильновыдвинутых оттенках третьей умереннопризакрытой или второй основной ступени отстояния, факультативно или позиционно-комбинаторно обусловлено – напряжённых и увуларизованных.

Фонема үү [$\emptyset:/\dot{o}_{\text{дл.}}:$ « $\dot{o}_{\text{дл.}}:$ », « $\dot{o}_{\text{дл.}}:$ », « $\dot{y}_{\text{пр.}}:/\dot{y}_{\text{пр.}}:$ »] – долгая комбинированная переднерядная основная / центральнозаднерядная сильновыдвинутая третьей основной ступени отстояния сверхсильноплоскоогубленная неназализованная. В потоке речи реализуется также в комбинированных переднерядных слабоотодвинутых / центральнозаднерядных сильновыдвинутых, центральнозаднерядных сильновыдвинутых оттенках третьей умереннопризакрытой или второй основной

ступени отстояния, факультативно или позиционно-комбинаторно обусловленно – напряжённых и увуларизованных.

В обобщенном виде система гласных фонем киргизского языка представлена на схеме 1.

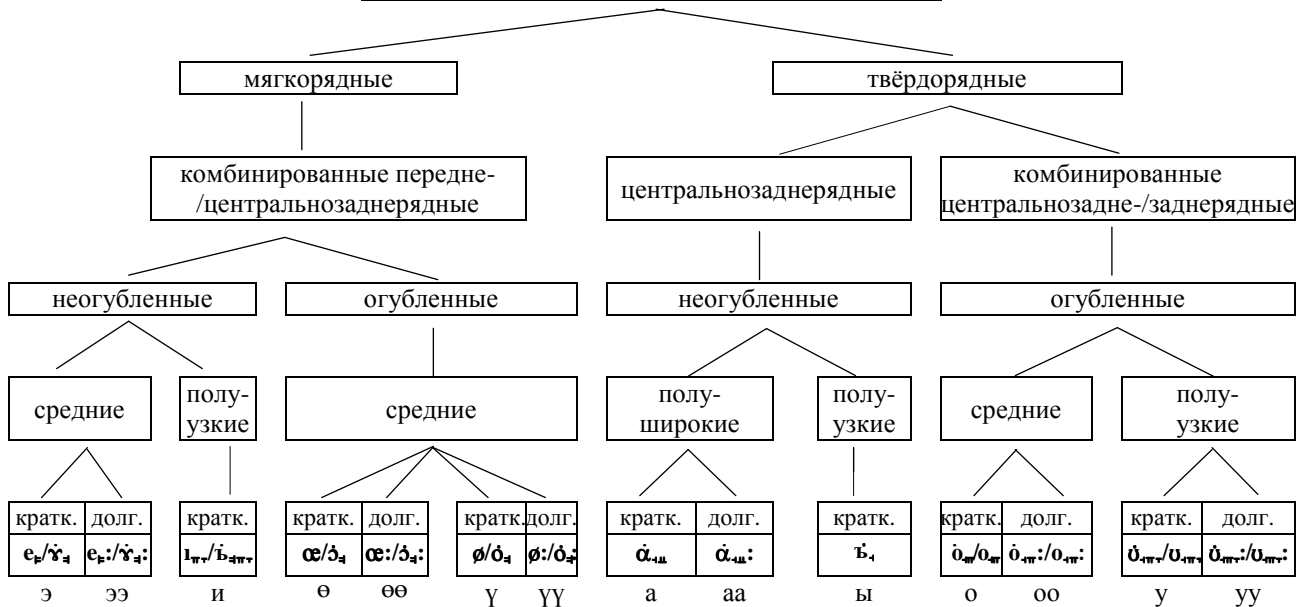
Сопоставительный анализ вокализма киргизского языка и близкородственных тюркских языков Южной Сибири – алтайского, хакасского, тувинского и их диалектов позволил выявить как общие признаки систем, сформировавшиеся в период проживания киргизов в верховьях Енисея и – позднее – на территории Южного Алтая, так и специфику, обусловленную их последующей миграцией в регион современного проживания.

Системно-структурная организация вокализма. Как показали экспериментально-фонетические исследования, системы гласных фонем киргизского и южносибирских тюркских языков имеют общие принципы организации: все они структурируются оппозициями по ряду, подъему, огублению и длительности. Исключение составляют тувинский и тофский языки, а также алтайский туба-диалект, в которых в число конститутивно-дифференциальных признаков фонем входит характеристика по наличию-отсутствию фарингализации: в тувинском вокализме это один из основных конститутивно-дифференциальных признаков, в туба-диалекте – дифференциальный признак, сопутствующий долготе.

Таким образом, южносибирские тюркские языки можно разделить на две группы: 1) языки, вокализм которых структурируется с учетом характеристик гласных по глоттализованности / неглоттализованности (тувинский, тофский, туба-диалект алтайского) и 2) языки, в которых работа фаринкса не является фонематическим признаком – все остальные языки и диалекты (алтайский литературный язык, диалект алтай-кижи, теленгитский, бачатско-телеутский, кумандинский, чалканский диалекты алтайского, сагайский и качинский диалекты хакасского) [Селютина, Шалданова 2003].

Киргизский язык обнаруживает в этом отношении сходство с языками второй группы – фарингализация гласных в фонематическом статусе не свойственна киргизскому вокализму, фарингализованные артикуляции реализуются в киргизском языке лишь на фоническом уровне – в качестве факультативных или позиционно-комбинаторных оттенков или индивидуального произношения, и являются, по-видимому, остаточным явлением, сохранившимся в генетической памяти народа.

Гласные киргизского языка

Артикуляционно-акустические базы. Киргизский вокализм, вписываясь по субстантным характеристикам в ареал функционирования южносибирских тюркских языков, обнаруживает свою специфику артикуляционно-акустической базы.

Киргизские *твёрдорядные* гласные, реализуясь, как и в большинстве южносибирских тюркских языков, в центральнозаднерядных настройках, примыкают к языкам, в которых эти гласные занимают срединное положение на шкале артикуляторной рядности – в основном это диалекты Алтая.

По характеристикам *мягкорядных* гласных киргизский примыкает к группе языков, в которых функционально мягкорядный вокализм реализуется преимущественно в гласных переднего или комбинированного передне- / центральнозаднего ряда: это языки южных и северных алтайцев (кроме тубинского) – теленгитский, бачатско-телеутский, алтай-кижи, кумандинский, чалканский, а также сагайский диалект хакасского. Тувинский, тубинский и качинский вокализм в мягкорядных словоформах проявляется в звуках центральнозаднего ряда различной степени выдвинутости. Следует констатировать максимальную близость артикуляторных настроек киргизских мягкорядных гласных с сагайско-хакасскими соответствиями.

В то же время, по параметрам *открытости-закрытости* в киргизском языке проявляются те же закономерности, что и в тувинском каа-хемском говоре, где дифференциация гласных по степени подъема – наименее выраженная по сравнению с остальными рассматриваемыми языками.

Что касается параметров *лабиализации*, то только в киргизском языке реализуется последовательно плоскощелевое огубление без облигаторности выпячивания губ.

Специфика проявляется и в том, что киргизский вокализм отличается от сопоставляемых южносибирских тюркских языков большей стройностью, симметричностью системы, относительно меньшей вариативностью артикуляторных настроек реализаций, фактическим отсутствием необусловленной – исторически или комбинаторно – назализации гласных, частотной в тюркских языках Южной Сибири, что можно рассматривать как результат исторических взаимодействий субстратных саяно-алтайских языков с тюркскими.

Таким образом, в вокалических системах киргизского языка и тюркских языков южносибирского региона обнаруживается целый ряд общих признаков, причем по различным артикуляторным и аку-

стическим параметрам сходства выявляются с различными языками – алтайским, хакасским, тувинским.

Фонетические процессы, свойственные киргизскому языку и южносибирским тюркским, нельзя трактовать как результат контактирования с каким-то одним из языков сибирского ареала – общность фонетического ландшафта, по-видимому, обусловлена в исторической ретроспективе причинами регионального характера.

Публикации по теме диссертации:

В издании, рекомендованном ВАК для публикации результатов докторских и кандидатских исследований:

1. Вокализм киргизского языка в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири // Сибирский филологический журнал. Новосибирск. 2008. № 3. С. 135–138.

В других научных изданиях:

2. Кыргызский вокализм: к проблеме дифференциальных признаков // Создание нового поколения учебников для высших учебных заведений по языкам коренных народов Сибири. Материалы Международного симпозиума. Новосибирск, 2004. С. 293–298.

3. Гармония гласных в киргизском языке // Материалы XLII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. Новосибирск, 2004. С. 120–122.

4. Краткость и долгота гласных киргизского языка как фонематический признак // Материалы XLIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. Новосибирск, 2005. С. 123–126.

5. Система гласных киргизского языка и проблемы совершенствования киргизского алфавита // Тюркские языки: проблемы и исследования. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.А. Баскакова. Горно-Алтайск, 2006. С. 71–77.

6. К проблеме первичной длительности гласных (на материале киргизского языка) // Материалы XLIV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. Новосибирск, 2006. С. 146–148.

7. Позиционная длительность киргизских гласных (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири) // Материалы XLV

Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. Новосибирск, 2007. С. 143–145.

8. Артикуляторные настройки киргизских гласных (в сопоставлении с южносибирскими тюркскими языками) // Подвижники сибирской филологии: В.А. Аврорин, Е.И. Убрятова, В.М. Надеяев. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2007. С. 268–271.

9. Рентгенограммы киргизских гласных // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири: Материалы Международной научно-практической конференции. Новокузнецк, 2008. С. 182–186.

10. Соматические параметры киргизских гласных (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири) // Материалы XLVI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. Новосибирск, 2008. С. 113–115.

11. Артикуляторные настройки киргизских гласных (в сопоставлении с южносибирскими тюркскими языками) // Подвижники сибирской филологии: В.А. Аврорин, Е.И. Убрятова, В.М. Надеяев. Материалы Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2008.